

**СЮЖЕТ ПОЗДНЕГО РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(В СОЧИНЕНИЯХ КНЯЗЯ А. КУРБСКОГО И ПРОТОПОПА АВВАКУМА) ***

В статье с типологических позиций рассмотрены сюжеты или картины мира (как сложные сюжетные конструкции), сложившиеся в творчестве князя А. Курбского и протопопа Аввакума. Их структурно-типологическое сходство заставляет сделать вывод, что Курбский был предшественником Аввакума как автор автобиографии сакрального типа, а причины социального и духовного раскола нации лежат в самой системе общественно-политического устройства Московского государства.

Ключевые слова: творчество А. Курбского, творчество протопопа Аввакума, архетипический сюжет, Антихрист.

Епифаний оставил свидетельство о том, что он «понудил» своего духовного сына «житие свое написать <...> да не забвению предано будет дело Божие» [Русская историческая..., 1927, стб. 1, 83; ср.: стб. 151]. Аввакум искал оправдание тому, что он принял за автобиографическое повествование, еще и в поступке Аввы Дорофея¹, описавшего «свое житие ученикам своим, понуждая их на таяжде» [Там же, стб. 154].

Исследователи иллюстрируют позицию Аввакума и Епифания несколькими примерами, на наш взгляд, абсолютно неубедительными для ответа на вопрос, «как могла прийти подобная мысль – описывать собственную святость – русскому человеку XVII в., воспитанному в традициях крайнего религиозного смирения?» [Лихачев, 1987. С. 320]. Мы убеждены, что автобиографизм ревнителей старой веры, в том числе позиция Аввакума «о самом себе как о святом», не поддаются объяснению внешними при-

чинами, как следование и подражание тем или иным частным образцам². На то существуют очень глубокие внутренние причины. У Аввакума есть литературный предшественник – князь Андрей Курбский. Именно в его сочинениях формируется тот вариант сюжетной структуры, которая спустя столетие воплотится в текстах, вышедших из-под пера главы старообрядческого движения.

**Жизнеописание Ивана IV
в сочинениях А. Курбского**

Можно говорить о сюжете Курбского или же о картине мира, т. е. о достаточно сложной сюжетной конструкции, представленной в цикле его сочинений. К означенному циклу мы относим Послания к Вассиану Муромцеву³, Послания к Грозному⁴, «Историю о великом князе Московском» (далее – «История»)⁵, Предисловие к «Новому Маргариту» и др.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010)», проект № 2.1.3/6794: «Древнерусский четый сборник как литературный факт (канон и творческие модификации)». Руководитель – д-р филол. наук, проф. Е. И. Дергачева-Скоп.

¹ «Дорофей (ум. 620) – сирийский монах <...> В 1652 г. книга «Поучения аввы Дорофея» издана в Москве и была хорошо известна Аввакуму. Однако точность отсылки Аввакума кажущаяся: на указанном месте нет «понуждения Дорофея», на которое ссылается Аввакум» (коммент. в кн.: [Житие..., 1979. С. 268]).

² «Ученым, ищущим истоки пустозерского автобиографизма, удастся найти лишь несколько маловыразительных случаев повествования от первого лица во второстепенных житиях» [Плюханова, 1989. С. 28]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

³ Написаны, вероятно, в последний год пребывания в России. Среди трех посланий к Вассиану Муромцеву следует выделить прежде всего Второе.

⁴ Первое написано весной 1564 г., сразу по прибытии в Литву, последняя приписка к Третьему посланию датируется 15 сентября 1579 г.

⁵ См. о датировке «Истории» В. В. Калугиным между 1579–1581 гг. (см.: [Калугин, 1998. С. 38–44]).

Указанная картина мира носит эсхатологический характер. Одна из сущностных ее составляющих – жизнеописание Ивана IV, «новоявленного», «прелютого зверя», «домовых грабителя и убийцы сынов», «губителя» «святорусской земли» и «рода человеческого», «мучителя варварского», «антихристов сына и стаиника» (!) [Курбский, 1986. С. 322, 326, 348, 354, 360], который и «Нерона презлаго превзыде лютостию и различными нисповедимыми сквернами»⁶ [Там же. С. 340] и т. п.

В «Истории» автор объясняет перемену, случившуюся с «прежде добрым и нарочитым» [Там же. С. 218] московским князем, называет причины, породившие зло в его характере. Это раннее сиротство, воспитание малолетнего наследника «великими гордыми» боярами в потакании его порокам, следование «злым советникам», козни дьявола. Но есть еще одна. «Аще бы из начала и по ряду рех, много бы о том писати, яко в предобрый русских князей род всеял диявол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародеицами. <...> паче же которых поимовали от иноплеменников» [Там же].

Такой иноплеменной женой была вторая жена великого князя Василия III (1479–1533, на престоле с 1505 г.), мать Ивана Грозного литвинка Елена Глинская (ок. 1510–1538)⁷. Двадцатилетний брак Василия с первой женой Соломонией Сабуровой (ок. 1490–1542) оказался бездетным. В ноябре 1525 г. Соломония (жена, «Богом данная, святая и неповинная» [Там же]) была пострижена и заточена в монастырь.

Елена была красива и значительно моложе своего жениха⁸. «Пафнутьевский лето-

писец сообщает, что великий князь “возлюбил” Елену “лепоты ради лица и благообразия възраста...”⁹. Для того чтобы понравиться своей избраннице, великий князь решился на весьма смелый, греховный по тем временам поступок: сбрил бороду¹⁰.

Только через четыре с половиной года Елена родила сына. В год свадьбы (она состоялась в январе 1526 г.) Василию исполнилось 47 лет, великокняжеское семейство торопилось обзавестись наследником. Курбский пишет, что Василий с «законопреступною женою, юною сущою, сам стар будущи, искал черовников презлых отовсюду, да могут ему ко плодотворению» [Там же. С. 340]. «О чаровницах же оных так печашесь, посылашесь по них тамо и овамо, аже до Корелы, еже есть Филя (Финляндия) <...> и отгуду провожаху их к ним летущих оных и презлых советников сатанинских. И за помощию их от прескверных семян, по призволению презлому, а не по естеству, от Бога вложенному, уродилися ему два сына. Един <...> прелюты и кровопийца <...> А други был без ума и бес памяти и безсловесен, такоже аки див якой родился» [Там же]¹¹.

Таким образом, Иван Грозный родился, во-первых, от прелюбодейния его отца с иноплеменницей¹², во-вторых, от колдовства. Родился не обычный ребенок, но великий злодей. «Тогда зачался нынешний Иоан наш, и родилася в законопреступлению и во сладострастию лютость» [Там же. С. 220].

Но зло в роду московских князей появилось еще раньше. Не только Грозный родился от иноплеменной жены, но и сам Василий III. Отец его, великий князь Иван III, также был женат дважды. Василий – сын как раз от второго брака. Первая жена Ивана III, тверская княжна Мария, умерла в

⁶ В данном контексте важно, что Нерон в христианской традиции император-Антихрист, в имени которого зашифровано «число зверя», 666.

⁷ У этого брака как незаконного было множество противников в православном мире. В «Повести о втором браке Василия III» (предполагается, что она написана после смерти Грозного) старец Вассиан Патрикев называет брак «прелюбодейнием», грозит Василию III тем, что Бог наведет за его грех варварское воинство, и предупреждает, что церковные правила «не повелевают» ему ступить на церковный порог. Противник брака Иерусалимский патриарх Марк «предвидит» рождение в великокняжеском семействе будущего злодея, который наполнит царство ужасом и печалью, прольет реки крови (см.: [Зимин, 1976. С. 132–148]).

⁸ «Лет на 25» [Скрынников, 1983. С. 8]. Вероятнее, разница была около 30 лет (см.: [Панова, 2006. С. 12]).

⁹ «...наипаче ж целомудрия ради», – продолжает летописец (цит. по: [Зимин, 1972. С. 297]).

¹⁰ О «русском отношении к бороде» см.: [Успенский, 1982. С. 173–175].

¹¹ Второго сына Василия III, Юрия, который был младше Ивана почти на два года и родился глухонемым, Курбский однозначно воспринимает в демоническом свете. Для Грозного же его брат – «святопочивший», так он называет его, уже покойного, в Первом послании к Курбскому (см.: [Переписка..., 1993. С. 27]).

¹² Уже после смерти Василия III молодая вдова Елена приблизит к себе князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. «...молва назовет фаворита подлинным отцом Грозного» [Скрынников, 1983. С. 10–11].

1467 г. (Так же, как и Соломонию Сабурову, Курбский называет ее «святой» [Там же. С. 322].) Второй его женой стала племянница последнего византийского императора Константина XI Софья Палеолог. Отношение Курбского к этому браку, заключенному Иваном III (в 1472 г.) не без соображений о поднятии политического престижа и укрепления самостоятельности великокняжеской власти, выражено в «Истории» одной фразой, но также негативной: «Той-то князь Василей <...> от чародеицы греческие рожден» [Там же. С. 372].

Курбский обнаружил начало зла в роду московских князей, разгадал тайну отпрыска этого рода: Иван IV – злодей *по своей природе*. Появление на свет отпрыска московского великокняжеского рода – воплощение греха уже в третьем поколении, значит, он несет в себе больше зла, чем его предки (мотив накопления, возрастания греха). В Третьем послании, характеризуя «издавна кровопивственный род», он припоминает убийство в Орде Михаила Тверского (в 1318 г.) по наветам князя Юрия Московского. «Яко есть некоторым издавна обычай (“тела своего ясти и крове братии своей пити”. – В. В.), яко первые дерзнул Юрей Московский в Орде на святого великого князя Михаила Тверскаго» [Переписка..., 1993. С. 109]. Судьба Ивана IV – переполнить «меру кровопивцев – отца своего и матери твое и деда» [Курбский, 1986. С. 322].

Курбский предвидит в судьбе Грозного возмездие Божие, призывает его покаяться и возвратиться к Христу. «Поки еще есмь не распряглись от тела, понеже несть во смерти поминания и во аде исповедания или покаяния всяко» [Переписка..., 1993. С. 115]. Через библейскую притчу писатель-эмигрант пророчески предсказывает Грозному гибель царского дома, исчезновение рода. «...Яко и блаженный Давид рече: не пребудет долго пред Богом, которые созидают престол беззакония (см.: Пс. 93, 20) <...>. И аще погибают царие или властели, яже созидают трудные декреты и неудобь подъемлемые номоканоны, кольми паче не токмо созидающе неудобь подъемлемые повеления или уставы (!)¹³ з домы погибнути должны. Но во яковых сии обрящутся, яже пустошат землю свою и губят подручных всеродне, ни сосу-

щих младенцов не щадяще!» «Не губи к тому себя и дому твоего! Аще рече Давид: “Любая неправду, нанавидит свою душу” (см.: Пс. 10, 5), кольми паче кровью христианскими оплывающими ищезнут воскре со всем домом!» [Переписка..., 1993. С. 117].

Иван IV пережил своего обличителя, но пророчество сбылось в реальной истории, на детях Грозного род Рюриковичей оборвался.

Жизнеописание патриарха Никона в сочинениях протопопа Аввакума

Аввакум разгадывает ту же загадку, что в свое время встала перед князем Курбским. Переживая крах всей православно-обрядовой традиции, существовавшей на Руси со времен крещения, он пытается решить вопрос о происхождении зла в Русской земле: почему «ныне нам от никониян огонь и дрова, земля и топор, и нож и виселица»? [Русская..., 1927, стб. 350]. Естественно, что корень зла он видит в своем главном духовном противнике, зачинателе реформ, патриархе Никоне.

В сочинениях пустозерского периода Аввакум создает мифологическую биографию Никона.

Следуя за Н. С. Демковой, можно сделать вывод, что перелом в настроениях Аввакума, от надежд на отмену никоновских реформ до их крушения, произошел между 1673 и началом 1675 г., т. е. в 1674 г. Названная биография Никона написана после этого перелома (см.: «Книга толкований» (1674–1677), Послание «отцу» Ионе (1676–1682), сочинение о происхождении Антихриста¹⁴).

В «Книге толкований» Аввакум пишет о патриархе: «А он детинка-бродяга был, и у Макарья Желтовоцкаго поводелся в крылосе, – Никитка Минин¹⁵. А таки одва (так!) не татарка ли ево родила, – там-веть татартех много» [Там же, стб. 463]. В данных

¹³ Стоит отметить своеобразные антибюрократические мотивы в обличениях Курбского.

¹⁴ Сочинение о происхождении Антихриста из Прянишниковского сборника опубликовано Н. С. Демковой (см.: [Демкова, 1965. С. 217, 230–233]). «...Прянишниковский сборник отразил определенный этап работы Аввакума над своими сочинениями в 1677–1681 гг.» [Там же. С. 219].

¹⁵ В 12 лет Никита Минин / Минов (мирское имя патриарха) ушел из семьи из-за отношений с мачехой в Макарьев Желтоводский монастырь в послушники.

словах выражено сомнение в том, что ниспровергатель веры, более шестисот лет неколебимо стоявшей на Руси, злодей-мучитель, мог родиться от русской женщины, которая эту веру исповедовала.

Вероятно, пустозерские сидельцы пытались выяснить, кто же были родители патриарха, и получали определенную информацию. В Послании к «отцу» Ионе греховное происхождение Никона Аввакум связывает не с матерью, а с отцом. «Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился <...> отец у него черемисин, а мати русалка¹⁶, Минка да Манька; а он, Никитка, колдун учинился, да баб блудить научился¹⁷, да в Желтоводие с книгою поводился, да выше, да выше, да и к чертям попал в атаманы» [Там же. С. 894].

Никон в спорах его противников – Антихрист или же его предтеча. Аввакум видит в Никоне (еще в декабре 1666 г. лишённого патриаршей власти) предтечу Антихриста. «Любимой антихристов предтеча» [Там же, стб. 871 и др.]. «А Никон, веть, не последней антихрист, так – *ишишь антихристов, бабо.., плутишко, изник в земли нашей*» [Там же, стб. 894] и мн. др.

Рождение Никона в нижегородской земле предварило в представлении Аввакума грядущее рождение посланника дьявола, он описывает его по аналогии с этим апокалипсическим событием. «Род антихристов сицев есть. А родится он, антихрист, от жидов, от колена Данова. <...>

Я от попа родился¹⁸, а Никона черемисин Минька добыл в деревнишке, то есть разум слову сему.

Воньмите, тем образом и антихрист родится беззаконным, яко и Никон, последней предтеча его, от черемисина. Яко антихрист зачатся духом дьявольским от же-

ны жидовки, тако и Никон зачатся от христианки черемисином» [Демкова, 1965. С. 231].

Подобно Антихристу, патриарх – «великий обманщик», человек в личине добродетели, скрывающий за ней свою подлинную природу. Антихрист «исперва будет казаться людем кроток, и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово как Никон, ближней предтеча его, плакать горазд. Я ево высмотрил дьяволова сына до мору-тово еще, – великой обманщик, блядин сын! Както при духовнике-том, Стефане [Вонифатьеве] вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк. В окно ис палаты нищим денги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет! А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленкой, не бывал такой от веку! А бабы молодые, – простите Бога ради, – и черницы (!), в палатах-тех у него веременицы, тешат его, великого государя пресквернейшаго. А он их холостит блядей. У меня жила Максимова попада, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сегда дома побывает воруха; всегда весела с воток да с меду; пришед, песни поет: у святителя государя в ложнице была, вотку пила <...> Слово в слово таков-то и антихрист будет¹⁹. Лстив сый исперва, а егда поставят его царем <...> зверообразен будет, и жесток, и немилостив; тайну ту откроет всю сердечную злобную, да понесет пластать да вешать люди» [Русская..., 1927, стб. 460–462].

Никон и на патриарший престол «по поущению Божию вскрался», «оболстя святую душу протоппа духовнаго царева, Стефана, являясь ему яко ангел, а внутрь сый дьявол» [Там же, стб. 245]. Аввакум сожалеет, что сам обманулся – к челобитной царю о поставлении Никона в патриархи приписал свою руку. «Ано врага выпросили и беду на свою шею» [Там же, стб. 246]. Ср. в «Житии»: патриарх перед поставлением ведет себя «яко лис» [Там же, стб. 96]. «Ведает, что быть ему в патриархах, и чтоб отколя помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Царь его на патри-

¹⁶ Русская (см.: [Елеонская, 1978. С. 100]). Автор отмечает, что о жизни Никона Аввакум рассказывает по компрометирующим слухам.

¹⁷ Ср. о блудном поведении Грозного: [Васильев, 2006. С. 133, 155–157].

¹⁸ При этом в «Житии» со свойственной ему прямоотой Аввакум сообщал о своем родителе то, о чем другой, может быть, и промолчал: «Отец мой прилежаше пития хмельнова» [Русская..., 1927, стб. 89; ср.: стб. 8, 161]. Он признавался, что отцовское пристрастие сказалось и на нем, – писал, что, став священником в Лопатицах, «перестал от виннаго пития и начах книги читати» [Сарафанова, 1962. С. 330]. «Мой отец хоть и пьяница, но поп, а ты от кого?» – можно увидеть позицию протоппа по отношению к патриарху.

¹⁹ А. С. Елеонская приводит донесение на Никона князя Самойлы Шайсупова. Оно относится к 1676 г. В это время Никон находился в ссылке в Ферапонтовом монастыре. Бывший патриарх, а теперь простой чернец на восьмом десятке лет предстает в донесении пьяницей и неутомимым развратником (см.: [Елеонская, 1978. С. 101]).

аршество зовет, а он бытто не хочет, *мрачил царя и людей*, а со Анною [Ртищевой] по ночам укладывают, как чему быть, и много пружався со дьяволом, *взошел на патриаршество Божиим поущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою*» [Там же, стб. 168].

Мотивы блудной жизни переносятся на патриарха прежде всего потому, что он порушил старую веру, учинил великую ересь на Руси. Нововведения Никона – «*ворблядь*», предстающая в образе пьяной блудной церковной жены, которая «*безпрестанно пьет кровь свидетелей Иисусовых*» (т. е. мучеников за веру). «Ну, разумеете ли про жену-ту, чада церковная? *Всякая ересь блядня глаголется*» [Там же, стб. 433] (Аввакум использует параллель к апокалипсическому образу (см.: Откр. 17, 3–6)). Отбросив размышления о конкретном происхождении Никона (строкой выше он предположил его матерью татарку), Аввакум заключает: «Да плюнем на него! *Кто ево ни родил, однако блядин сын от дел звание приемлет*²⁰. *Блядь пишется ложь*²¹. Правда от Бога, а ложь от дьявола. *Сын он дьяволь, отцу своему сатане работает*» [Русская..., 1927, стб. 463, 464]. Никон – «*еретик*» [Там же, стб. 466], «*адов пес*» [Там же, стб. 66] «*кобель борзой*», «*враг*» [Там же, стб. 283], апокалипсический «*лживый пророк – учитель лукавой*» [Там же, стб. 818, 868] и пр.

Как Курбский отыскал корень зла в характере Ивана Грозного, так и Аввакум разгадал тайну мучителя-Никона: он злодей по своей природе, «блядин сын», так как рожден в блюде от христианки (а может и татар-

²⁰ «От плодов научил нас Христос познавати их, а не от басен» [Русская..., 1927, стб. 792], – писал Аввакум о никонианах.

²¹ Не стоит видеть в Аввакуме грубого, бранящего человека. Такое понимание было бы современным и модернизированным. Для него, как и для других средневековых авторов, использовавших аналогичную лексику, она была не бранью, а тем необходимым средством, которое позволяло определить природу явления. Аввакум при помощи слов, образованных от корня *блуд / бляд'*, описывает эсхатологическую картину – мир в преддверии Антихриста. Это универсально заблудший мир – других, более точных, слов для его описания просто нет.

В первой половине следующего столетия слова с корнем *блуд / бляд'* воспринимаются уже как бранные. В «Словаре русского языка XVIII века» они сопровождаются комментарием: «*после 1730-х гг. в книгах как непристойное не употр.*» [Словарь..., 1985. С. 72].

ки) и иноплеменника. Даже если это не так, то он – «блядин сын» по своим делам. «Злое корение» [Там же, стб. 729] – новое учение Никона. Патриарх – блудник, колдун и чернокнижник и, вообще, занимает высшее место (атаман!) в иерархии нечисти. Все деяния его ошибочны, неистинны и неправедны.

В «Книге толкований» Аввакум грозил Никону «*мestью*», будущим «*воздаянием*» от Владыки (см.: [Там же, стб. 445]). Он пережил своего противника чуть более чем на восемь месяцев. Известие о смерти патриарха дошло в Пустозерск (очевидно, без каких-либо подробностей), и протопоп успел откликнуться на это событие. Он ставит смерть Никона в общий ряд смертей сторонников реформ. «И Ларион-то, архиепископ Резанской зле изверг душу свою: ноги у него отсохли, и мучася много, изъез, яко прах. <...> Тако же и Лаврентий, Казанской митрополит умре, и не погребоша его, и исполни град вони злосмрадныя <...> Еле человеком дышать живущим в Казани той, дондеже мерьтвечину ту его земля взяла. Ну, сквозь землю с Ларионом-законоположником в кромешной ад! *Да и Никон тако же нелепою смертию скончался. Да и все они, наследницы адъстии, умирают так*» [Демкова, 1965. С. 228].

О генезисе сюжета и его жанровом варианте

Рассмотренные сюжеты являют собою структурные тождества. (Очевидна и специфика каждого из них.) Генетически они восходят к сюжету-архетипу об Антихристе.

Антихрист рожден от блюда и сам универсальный блудник; «человек беззакония, сын погибели» (2 Фесс. 2, 3), он приходит в мир «против» и «вместо» Христа – как узурпатор его власти и в его облике. Он послан дьяволом прельстить людей проповедью лжеучения. Он мучитель, убийца всякого, кто не поклонится «образу звериному» (см.: Откр. 13, 15). Конечная участь Антихриста – возмездие Божие, исторжение греховного рода, наследование ада за зло, совершенное на земле (подробнее см.: [Васильев, 2006. С. 34–38] и др.).

Время Антихриста – время мученической жизни. Сюжет Курбского и Аввакума в полном виде моделируется как сюжет жития-маририя. Специфика ситуации заключается

в том, что это житие пишется не третьим лицом и не о прошлом, т. е. не может быть сюжетом, зафиксированным и представленным в традиционной канонической форме, как было в русской литературе в предшествующие эпохи. Это житие творится сейчас. Его форма размыта, реализуется не в едином произведении, а системе разножанровых текстов. Прошедшее время в нем меняется на настоящее, вместо третьего лица – повествователя, пишущего о факте, случившемся в прошлом и не с ним, выступает первое лицо – повествователь, живущий внутри мученического конфликта, пишущий о невинно убиенных, пострадавших от рук власти своих современников, и о себе как о мученике. Мученичество теперь не является частным фактом (как, например, в ситуации с Борисом и Глебом, Михаилом Черниговским и боярином Федором, Михаилом Тверским и пр.), оно характеризует взаимоотношения человека и государства, в том числе писателя и власти. «...мученичество в глазах Курбского распространилось на всю русскую землю. Вот почему отчасти Курбский прибегает к выражению – “Земля Святоторусская” и переосмысляет его. Если выражение “Святая Русь” означало раньше по преимуществу [наименование] страны со многими святынями – монастырями, церквями, церковными реликвиями самого разнообразного характера, *то теперь “Святая Русь” стала, с его точки зрения, еще и землей многих святых мучеников, невинных страдальцев...*» [Лихачев, 1993. С. 211] (ср. с ситуацией в расколе).

Так складываются исторические условия, продуцирующие автобиографию сакрального типа, основанную на представлении автора о себе как о святом...

В XVI в. участники «по ту сторону» конфликта – тысячи и тысячи русских людей. Гибель более четырехсот из них описывает князь Андрей в мартирологе, во второй части «Истории». Он внес бы и большее количество, но «невмесно писати широкости ради».

В произведениях цикла «автобиография» Курбского предстает *в качестве некоего собственного жития*. Это житие книжника, идеального христианина-воина, «мученика произволением». Его основные мотивные составляющие:

- происхождение от святого корня, от «благородных» родителей;

- глубокое знание христианского учения;

- отречение от мирского во имя воинского служения;

- готовность к мученичеству на поле брани (подробнее см.: [Васильев, 2003. С. 126–129]).

С этой, по существу, сакральной позиции Курбский обличает царя-антихриста. Мы употребляем данное определение исходя не только из архетипических смыслов сюжета об Иване IV, но и из той реальной позиции, которую занимает беглый князь. «Выступая против монарха, князь Андрей стремился придать своему протесту богословское обоснование и опирался на традиции церковной литературы.

Неповиновение Грозному принимало характер священной войны с Антихристом, всякий пострадавший в борьбе с тронем превращался в мученика, а пролитая кровь становилась святой и взывала к Богу об отмщении. В этой идее Курбский нашел оправдание своему бегству от “сопротивного” православию тирана...» [Калугин, 1998. С. 179–180]. Ср.: «Присяга на верность монарху, вступившему в союз с Антихристом, утрачивала законную силу. Долг каждого христианина заключался в том, чтобы не покоряться, а бороться с такой властью всеми возможными средствами. Всяк пострадавший в борьбе с Антихристом превращался в мученика, а пролитая им кровь становилась святой» [Скрынников, 1992. С. 196].

О глубине национального раскола в XVI в. свидетельствует тот факт, что структура, подобная описываемой, реализуется в «воинских повестях агиографического типа» (см.: [Васильев, 2008. С. 157–196]). Сопоставление данных структур уравнивает позицию Ивана Грозного и кромешников по отношению к замученным единоплеменникам с позицией внешнего врага. Сказанное верно по отношению к XVII в. и последующим.

Выявленная типология позволяет определить особость русского (государственно-го) исторического пути с эпохи Московского царства. Это «не путь» или путь Антихриста.

В методологическом плане означенная сюжетная типология позволяет обнаружить в русской литературе «повторяемость в широких масштабах» (В. Я. Пропп) и выстро-

ить ее историю на предложенных структурно-типологических принципах.

Список литературы

Васильев В. К. Архетипический сюжет в произведениях А. Курбского // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посвящ. 35-летию начала археогр. работы в Сибири (1965–2000). Новосибирск, 2003.

Васильев В. К. О «воинских повестях» агиографического типа // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения 2005: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2008.

Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). Красноярск, 2006. Ч. 1.

Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопopa Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21.

Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978.

Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. Иркутск, 1979.

Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.

Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы

Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986.

Лихачев Д. С. Сочинения протопopa Аввакума // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 2.

Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.

Панова Т. Олицетворение средних веков // Вокруг света. 2006. № 3.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. М., 1993.

Плюханова М. Предисловие // Пустозерская проза. М., 1989.

Русская историческая библиотека: Т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927.

Сарафанова Н. С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2. (*Безпристрастный – Вейэр*).

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Материал поступил в редколлегию 07.12.2009

V. K. Vasilyev

THE PLOT OF RUSSIAN LATE MIDDLE AGES (IN WORKS OF A. KURBSKIY AND AVVAKUM)

In this article we have observed plots and world views (as complicated narrative constructions) which have been formed in oeuvre of knyaz A. Kurbskiy and Avvakum from typological positions. Their structurally-typological similarity makes us to draw conclusion that Kurbskiy was predecessor of Avvakum as an author of autobiography of sacral type, and that reasons of social and spiritual split of the nation are hidden in the socially-political system of Moscow land.

Keywords: oeuvre of A. Kurbskiy, oeuvre of Avvakum, archetypical plot, Antichrist.